
СЕКЦИЯ 7
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРЕЧЕСКОГО ТЕРМИНА ХАОС
(ΧΑΟΣ) И КИТАЙСКОГО ТЕРМИНА ХУНЬДУНЬ (混沌
HÙNDÙN)**

В. В. Климович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoria.klimovich@gmail.com*

Космогонические представления, в частности о первооснове сущего, являются важнейшими для древних культур, так как они определяют представления о мире, обществе и человеческой жизни. Обращаясь к древнекитайской космогонии, мы находим множество различных подходов, описывающих появление мира, но в каждом из них, будь то мифологический или философский, в качестве первоосновы выступает бесформенное, всеобъемлющее единство – хуньдунь или безымянное дао. Приступая к анализу данного понятия, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью сравнения восточных и европейских представлений об изначальном состоянии Вселенной, в первую очередь для того, чтобы определить, возможно ли применение древнегреческого термина «хаос» для обозначения понятия, возникшего в совершенно иных культурных реалиях. Таким образом, объектом данного исследования является концепция хаоса в культуре Китая эпохи Чжоу (XI – III вв. до н.э.), а целью – раскрыть содержание китайского термина 混 hùn (хаос) в сопоставлении с категорией хаоса в греческой мифологии и классической философии. Результаты исследования являются важными для решения проблем, связанных с историей китайской культуры, уточнения переводов классических памятников, а также проливают свет на различия между китайской и европейской философской мыслью.

***Ключевые слова:** хаос; хуньдунь; культура Китая; философия эпохи Чжоу; античная философия.*

**COMPARISON OF THE GREEK TERM CHAOS (ΧΑΟΣ) AND THE
CHINESE TERM HUNDUN (混沌 HÙNDÙN)**

V. V. Klimovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: V. V. Klimovich (victoria.klimovich@gmail.com)*

Cosmogonic ideas are the most important for ancient cultures as they determines the ideas about the world, society and human life. As far as Chinese cosmogony is concerned, no matter from what point of view (mythological or philosophical) it describes the

emergence of the world, it always mentions “hundun” or “nameless tao” as a fundamental principle. Analyzing this concept, a researcher is inevitably faced with the need to compare Eastern and European ideas about the original state of the Universe, in order to determine whether it is possible to use ancient Greek term “chaos” to denote a concept that arose in completely different cultural realities. Thus, the object of this study is the concept of chaos in the culture of China during the Zhou era (11th-3rd centuries BC), and the goal is to compare Chinese term 混 *hùn* (chaos) with the term “chaos” in Greek mythology and classical philosophy. The results of the study are important for such fields of research as: the history of Chinese culture, translations of classical texts, differences between Chinese and European philosophical thought.

Key Words: chaos; hundun; Chinese culture; Zhou period philosophy; ancient Greek philosophy.

Важнейшим источником данных о значении древних терминов является их этимология. Греческий термин *хаос* происходит от глагола *χαός* ‘разверзаюсь’. Впервые данный термин употребляется в «Теогонии» Гесиода (VIII - VII вв. до н.э.), в которой он используется для обозначения разверзшейся бесформенной бездны, порождающей всех богов. С этого момента в греческую традицию прочно входит представление о хаосе как бесформенном, всеобъемлющем и непознаваемом начале, которое лежит в основе процесса космогенеза [1, с. 24].

Китайский термин *хуньдунь* (или *хунь*) имеет несколько вариантов односложной и двусложной иероглифической записи: 渾敦 *húndūn*, 混 *hùn*, 渾 *hún*, 渾沌 *húndùn*, 渾淪 *húnlún*. Этимологии данных иероглифов были посвящены многочисленные исследования и во всех отмечается, что использование ключа 氵 ‘вода’ во всех вариантах записи данного понятия не случайно и указывает на то, что изначальный хаос мыслился китайцами именно как хаос водный [2, с. 123]. Это подтверждают и китайские ученые Жао Чуньцю и Жао Сюэ, которые в своей статье «Первозданный хаос и миф о потопе» анализируют все упоминания понятия «хаос» в китайских философско-религиозных трактатах и приходят к выводу, что именно водная стихия в представлении древних китайцев была воплощением первозданного единства мира [3, с. 39]. М. А. Исаченкова, анализируя составные элементы (ключи) иероглифа 沌 *dùn*, приходит к выводу, что он воплощает идею самовозникновения в хаосе жизни. Правая часть иероглифа 屯 *zhūn* изображает росток, пробивающийся через землю [4, с. 23], таким образом весь иероглиф приобретает значение «водная стихия, содержащая проросшее зернышко, как символ зарождающейся жизни» [5, с.98].

Обобщая вышесказанное, отметим, что термины *хаос* и *хуньдунь* имеют разное происхождение. Первый восходит к глаголу «разверзаться», второй – к графическому изображению водной стихии. Однако,

нельзя не заметить, что эти, наиболее древние значения, которые представлены в этимологии содержат и общий признак – способность к порождению жизни. Таким образом, на этапе формирования данных понятий в греческой и китайской традициях термины лишены негативных коннотаций и обозначают лишь начало Вселенной.

Чтобы проследить, какое развитие получили исследуемые термины, обратимся к древнегреческим и древнекитайским философским трактатам и попытаемся определить, какими свойствами наделяли изначальное состояние Вселенной представители двух культур.

Греческие философы рассматривали различные аспекты категории хаоса. Например, в учении Анаксимандра (610 - 547 гг. до н.э.) об апейроне на первый план выходит такая характеристика как безграничность: «Беспредельное – начало всего» [6, с. 112]. В представлении философа эта безграничность воплощает всю полноту Вселенной, а возникновение вещей происходит не от его преобразования, а в следствии того, что внутри него выделяются противоположности.

В учении орфиков (VI – III вв. до н.э.) активно развивалась идея хаоса как единства противоположных начал. «Хаос не есть ни тьма, ни свет, ни влажное, ни сухое, ни теплое, ни холодное, но все в одновременной смеси. И он всегда был единым и бесформенным» [7, с. 716 - 717]. Данная идея достигла своего расцвета в философии античного Рима, в частности у Овидия (I в. до н.э. – I в. н.э.) хаос был представлен как громада, в которой смешаны еще не оформленные вещи [8, с. 31].

Другим важным аспектом хаоса являлась его непознаваемость, обусловленная тем, что хаос находится за пределами мира форм. Примером может служить философия Акусилая (VI в. до н.э.), который утверждал, что хаос «возвышается над всем как нечто непознаваемое и внутри непротивопоставляемое» [7, с. 702], а также философия орфиков и неоплатоников, которые утверждали, что хаос предшествует чувственно воспринимаемому миру [7, с.740].

Таким образом, в наиболее ранних греческих философских трактатах изначальный хаос, помимо способности к порождению мироздания, был наделен такими чертами как: безграничность, отсутствие внутреннего противопоставления и непознаваемость и не являлся воплощением темной стихии, а представлял собой соединение противоположностей, целостное и непостижимое начало.

Если говорить о древнекитайской философии, то вопросы космогонии и образ первозданного хаоса были наиболее разработаны в рамках даосской философской, представители которой исходили из общей идеи образования мира как результата разделения всеобъемлющего и бесформенного начала на противоположности.

В основе представлений даосских философов о первоначальном хаосе лежит идея его бесформенности, заимствованная еще из космогонических мифов. Такая целостность как основная характеристика изначального состояния мира в наиболее явном виде встречается в образах Хуньдуня из «Каталога гор и морей» (III – II вв. до н.э.) [8, с. 73] и великана Паньгу из «Собрания литературы, классифицированного по разрядам» (III в. н.э.) [9]. Начиная с Лао-цзы (IV – III вв. до н.э.) идея формы как отличительного признака вещей и бесформенности как неотъемлемого свойства изначального хаоса прочно входит в даосскую философию. В 41 главе «Даодэцзина» это свойство описывается следующим образом: «Великий образ не имеет формы»⁶ [10, с. 98].

Наибольшего развития идея бесформенности хаоса получила в философии Чжуан-цзы (III в. до н.э.). Воплощением изначального хаоса выступает владыка Центра – Хуньдунь, чья бесформенность и безликость призваны подчеркнуть отсутствие на этом этапе различий между субъектом и объектом, создающее идеальное изначальное единство.

Бесформенность как отличительная черта изначального хаоса указывает на безграничность его проявлений и всепроникаемость. Подтверждение этому также можно найти в даосских текстах, например, в «Даодэцзине»: «Великое дао повсюду, оно может быть и слева, и справа»⁷ [10, с. 83], а также в метафоре «Небесная кладовая», неоднократно используемой в «Чжуан-цзы»: «Наполняй ее, и она не переполнится, черпай из нее, и она не истощится»⁸ [11, с. 31].

Из безграничности и всепроникаемости хаоса китайские философы делают вывод о его непостижимости органами чувств и разумом. Эта мысль подчеркивается в трактате «Даодэцзине» использованием термина «безымянное». Наличие имени или хотя бы возможности обладать именем является символической границей между вещами и не-вещами, познаваемым и непознаваемым. Свойства вещей ограничены и их имена отражают эти ограниченные свойства, дао же беспредельно и нет такого имени, которое могло бы вместить в себя всю полноту этого понятия. Знание человека об изначальном хаосе носят исключительно интуитивный характер: «Смотрю на него и не вижу, и потому назову его великим, слушаю его, но не слышу, и потому назову его беззвучным, стремлюсь к нему и не могу достигнуть, и поэтому назову его крошечным»⁹ [10, с. 83].

⁶大象無形。

⁷大道汎兮，其可左右。

⁸注焉而不滿，酌焉而不竭。

⁹視之不見，名曰夷；聽之不聞，名曰希；搏之不得，名曰微。

Иными словами, древнекитайские философы выделяли следующие отличительные признаки изначального единства мира: бесформенность и целостность, всеохватность и всепроникаемость, а также непознаваемость.

Таким образом, мы можем прийти к вводу, что и в древнегреческой, и в древнекитайской традициях началом Вселенной полагалось превосходящее всякую форму беспредельное и непознаваемое абсолютное единство. Соответственно, использование древнегреческого термина «хаос» для обозначения данной категории китайской культуры вполне обоснованно, особенно учитывая, что в рамках собственно китайской традиции единого термина выработано не было.

Однако, здесь стоит сделать ряд оговорок. Во-первых, древнегреческая категория «хаос» имеет более широкое значение. И помимо извечной первопричины вселенной также обозначает пространство, вмещающее в себя все целое (в философии Аристотеля). Также хаосом в античной традиции называлось царство мертвых - Аид. Случаев использования китайского термина хуньдунь в данных смыслах нами отмечено не было.

Во-вторых, в греческой философской традиции, начиная с Платона (V в. до н.э.), закрепляется идея о порядке как более совершенной форме существования мира. Например, в диалоге «Федр» порядок трактуется как проявление заботы богов о мире [7, с. 409]. Даосская философия предлагает прямо противоположную трактовку, в которой изначальное состояние вселенной – есть состояние наивысшей гармонии, утраченной в процессе космогенеза; таким образом, целью человеческой жизни становится не дальнейшее упорядочивание хаоса, а, напротив, возвращение к нему.

Для того, чтобы лучше понять причину таких различий, нам стоит обратиться к процессу космогенеза, каким его рисует греческая и китайская традиции и особенно обратить внимание на место хаоса в этом процессе. По описанию Гесиода, хаос – тучеподобная материя. Она не создает мир сама по себе, для это ей необходимо активное начало. Разные философы по-разному именуют это начало: Эрос орфиков, Эрот в философии Аристофана, Ум у Анаксагора. Все они представляют собой принципы порядка, которые трансформируют хаос в гармоничный Космос, который мыслится как идеальное состояния мира.

Совершенно иначе обстоит ситуация с китайским термином «хунь» или «хуньдунь». Именно в исходном единстве заложена способность порождать сущее, это его предназначение подчеркивается активным использованием метафор со значением женского начала: ложбинный дух (谷神 gǔshén), сокровенная самка (玄牝 xuán pìn), лощина подне-

бесной (天下谿 tiānxià xī), мать поднебесной (天下母 tiānxià mǔ). Такой подход к изначальному единству обуславливает его позитивную оценку в рамках даосской философии.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что древнегреческий термин «хаос» может быть использован для обозначения китайского понятия «хуньдунь», т.к. за двумя категориями закреплены одинаковые признаки и сходные функции. В то же время хотя изначально в греческой традиции понятие «хаос» было нейтральным, к V в. до н.э. появилась выраженная дихотомия «хаос – порядок», в которой за категорией хаоса закрепилась негативная коннотация. В китайской же традиции сформировалось позитивное отношение к изначальному состоянию Вселенной. Более того, интерпретация хуньдуня как воплощения естественности даосскими философами превратило его в воплощение высшей гармонии. Такое расхождение в интерпретации можно объяснить принципиальным отличием в философских моделях космогенеза. Если китайская традиция рассматривает образования мира как процесс саморазвития изначального единства, то в древнегреческой традиции состояние хаоса – этап чистой материи, которая не способна самостоятельно породить Космос и нуждается в воздействии на нее активной творящей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гесиод. Полное собрание текстов. Москва : Лабиринт, 2001.
2. Яньшина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
3. 饶春球, 饶雪. “混沌”与洪水神话 // 南阳师范高等专科学校学报. 2009. № 4. = Жао Чуньцю, Жао Сюэ. Первозданный хаос и миф о потопе // Вестник педагогического училища г. Юньян. 2009. № 4.
4. 说文解字 / 柴剑虹编著. - 北京:九州出版社, 2001. = Шовэнь цзецзы / под ред. Чай Цзяньхун. Пекин : Цзючжоу, 2001.
5. Исаченкова М.А. Китайский космогенез: структура хаоса // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. III. Минск : РИВШ, 2013.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Москва : Мысль, 1993.
7. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. Москва : Мысль, 1996.
8. Овидий. Метаморфозы. Москва : Художественная литература, 1977.
9. 山海经: 图文珍藏本 / 李润英, 陈焕良注译. 长沙:岳麓书社, 2006. = Каталог гор и морей: иллюстрированное издание / под ред. Ли Жуниин, Чень Хуаньян. Чанша : Юэлу, 2006.
10. 藝文類聚 / 中國哲學書電子化計劃 [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://ctext.org/yiwen-leiju/zh> (дата обращения: 03.02.2018).
11. 图说老子道德经 / 方韬编著. - 北京:北京联合出版公司, 2012. = Даодэцзин Лао-цзы с иллюстрациями / под. ред. Фан Тао. Пекин : Пекинская объединенная издательская компания, 2012.

12. 庄子讲读 / 方勇编. — 上海 : 华东师范大学出版社, 2008. = Чжуан-цзы / под ред Фан Юн. Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2008.

ОТНОШЕНИЕ АРАБОВ К ИРАНЦАМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА)

В.О. Лещенко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, oleglesh010@gmail.com*

В работе рассматривается отношение враждебности арабов к иранцам, усугубившееся в последнее десятилетие, что связано с получением Ираном роли ключевого игрока на Ближнем Востоке в следствие арабских революций, американского вторжения в данный регион и заключением ядерной сделки с Ираном. Однако корни разногласий между арабами иранцами следует искать не только в современной расстановке политических сил на Ближнем Востоке, поэтому помимо политических факторов в работе также выделяются исторические, культурные и религиозные. Враждебное отношение арабов к иранцам показывается на примере медиапространства, в котором по отношению к иранцам употребляются такие специфические наименования как аджам, маджус и т.д., что болезненно воспринимается иранцами, так как не отражает действительность. В СМИ арабы рассматривают любые действия со стороны Ирана как признак заговора, который Запад подготовил против них с помощью иранцев. В работе также приводятся данные опроса арабов относительно их взгляда на ирано-арабские отношения и иранцев в целом.

Ключевые слова: арабо-иранские взаимоотношения; медиапространство; отношение враждебности; средства массовой информации; маджус.

ARAB ATTITUDE TOWARD IRANIANS AT THE PRESENT STAGE (ON THE EXAMPLE OF THE MEDIA SPACE)

V.O. Leshchenko

Belarusian State University, st. Leningradskaya 20, 220006, Minsk, Belarus

The article examines the attitude of Arab hostility towards Iranians, which has increased in the last decade, which is related with Iran's gaining the role of a key player in the Middle East as a result of the Arab revolutions, the American invasion of the region and the signing of a nuclear deal with Iran. However, the roots of the disagreement between Arabs and Iranians should be sought not only in the current balance of political forces in the Middle East, therefore, in addition to political factors, historical, cultural and religious factors are mentioned in the work. The hostile attitude of the Arabs towards the Iranians is shown on the example of the media space, in which such specific names as ajam, majus, etc. are used towards the Iranians, which is painfully perceived by them, since it does not reflect reality. In the media, the Arabs are considering any actions by Iran as a